

4. Начало Гражданской войны

Истоки Гражданской войны могут быть прослежены по крайней мере начиная с провозглашения Второй Испанской республики 14 апреля 1931 г. Эта перемена, произошедшая в то время, когда Испания испытывала на себе воздействие Великой депрессии, была принята относительно безболезненно, но именно с неё началось нарастание напряжённости во внутренней политике Испании.

Низложение короля Альфонсо XIII и провозглашение Республики прошло без каких-либо серьёзных затруднений. Король был настолько дискредитирован своей связью с диктатурой Primo de Rivera 1923–1930 гг., что в решающий момент у него оказалось мало сторонников. Когда муниципальные выборы дали республиканское большинство в крупнейших городах страны, монарх истолковал эти результаты как отказ признавать его власть и уехал за границу, хотя он так и не отрёкся от трона официально.

После бегства короля Республика была провозглашена при участии не только традиционных республиканцев, но и тех, кто до недавнего времени были монархистами и королевскими министрами, как, например, Мигель Маура, ставший первым республиканским министром внутренних дел. Более того, первый президент Республики, Нисето Алькала-Самора, отошёл от монархизма лишь незадолго до провозглашения Республики.

Некоторые лидеры анархистов участвовали в заговорах с целью свержения монархии, предшествовавших падению Альфонсо XIII. С утверждением Республики новый режим на первых порах пользовался значительной поддержкой среди анархических рабочих Каталонии и других регионов Испании.

В день, когда была провозглашена Республика, НКТ издала воззвание следующего содержания: «Мы не в восторге от буржуазной республики, но мы не согласимся на новую диктатуру. Чтобы Республика упрочилась, она, несомненно, должна иметь поддержку рабочей организации, иначе этого [упрочения] не случится»¹.

Коммунисты же, тогда проходившие так называемый «третий период», отличавшийся крайним сектантством, были всецело враждебны по отношению к новой Республике. Хосе Бульехос, в то время генеральный секретарь Коммунистической партии Испании, отмечал, что, согласно инструкциям, полученным от Коминтерна, «Коммунистическая партия ни при каких обстоятельствах не должна была заключать пактов или альянсов, даже на короткий миг, с какой-либо другой политической группой. В каждый момент и по отношению к каждой другой политической группе она должна была сохранять полную политическую независимость и полную свободу действий. Она ни в коем случае не должна была защищать

республиканское правительство или поддерживать его»².

Экономическое положение Республики

Трагедия Второй Испанской республики, помимо всего прочего, была обусловлена тем фактом, что она появилась на свет, когда мировой экономический кризис достиг своей низшей точки. И выход из депрессии ещё не начался к тому времени, когда страна оказалась охвачена гражданской войной.

Депрессия за рубежом повлияла на спрос на сельскохозяйственную продукцию и минеральное сырьё из Испании. В сельской местности это способствовало усилению эксплуатации, которой издавна подвергались батраки, и сделало ненадёжным положение мелких производителей. Промышленные отрасли, несмотря на защиту высоких пошлин, также серьёзно пострадали. Закрытие фабрик, заводов и шахт стало в те годы обычным явлением. Широко распространилась безработица. Франк Еллинек во время Гражданской войны сообщал, что перед тем, как она началась, правительство «было вынуждено допустить по меньшей мере 79 000 частично безработных и 178 000 полностью безработных промышленных рабочих, 154 000 частично и 168 000 полностью безработных крестьян, в общей сложности 579 000 безработных». Он добавлял: «...Известно, что в сельском хозяйстве безработица фактически была гораздо выше, что был почти миллион безработных в целом...»³

Кейнсианская революция ещё не произошла, и республиканское правительство не лучше, чем большинство других правительств, знало, что делать в условиях той национальной катастрофы, которой была Великая депрессия. Неспособность республиканского режима дать адекватный ответ на экономические проблемы страны вела к нарастанию политической поляризации и усиливала давнюю тенденцию испанских политиков решать свои проблемы с помощью насилия.

Первый период Второй республики

Вскоре после провозглашения Республики были проведены выборы в Учредительные кортесы, которые должны были принять новую конституцию. На этих выборах анархисты не особенно настаивали на электоральном бойкоте, который соответствовал бы их идеологии. Несомненно, многие анархисты голосовали, и, как отмечает Дэвид Каттелл, «из-за острой конкуренции анархисты обычно не отдавали свои голоса за социалистов, чья программа была ближе всего к их собственной. Вместо этого они предпочитали голосовать за республиканцев, тем самым позволяя им получить как можно больше мест в кортесах»⁴. В значительной степени благодаря поддержке анархистов, левые, а именно социалисты и левые республиканцы в большей части Испании и левые националисты в Каталонии, выиграли эти выборы.

Как следствие, два с небольшим года у власти находилось правительство левых республиканцев и социалистов. Оно разработало новую республиканскую конституцию, но с

большой осторожностью шло на коренные изменения в экономике и обществе Испании. Хотя оно приняло некоторые антиклерикальные меры и провело закон об аграрной реформе, его программа, по существу, не предусматривала какого-либо радикального перераспределения земли.

Мануэль Асанья, левый республиканец, был главной политической фигурой в этот первый период Республики. На нём в значительной степени лежит ответственность за разработку мер, с помощью которых предполагалось сократить вооружённые силы, предоставляя офицерам отставку на выгодных условиях. Это оказалось нерациональным, поскольку многие офицеры, первоначально поддерживавшие Республику, были вынуждены покинуть армию.

Другим значимым политическим изменением тех двух лет было принятие испанским парламентом Устава автономии для Каталонии. Он предоставлял Хенералидаду, выборному региональному правительству, определённые полномочия в области охраны порядка, образования и социальных вопросов. При новом режиме контроль над регионом перешёл в руки новообразованной партии «Левые республиканцы Каталонии», которая была организована в эмиграции отставным полковником Франсиско Масия и появилась в Каталонии после провозглашения Республики. Масия был избран первым президентом каталонской автономии; после его смерти в декабре 1933 г. этот пост занял Луис Компанис, ранее успевший побывать спикером каталонского парламента, адвокатом НКТ и руководителем Союза рабасайрес – организации, объединявшей большинство крестьян-арендаторов региона⁵.

Франсиско Ларго Кабальеро, генеральный секретарь контролируемого социалистами Всеобщего союза трудящихся, в этот период был министром труда Испанской республики. Он установил порядок, согласно которому трудовые споры подлежали рассмотрению и урегулированию в арбитражных судах, чего никак не могло принять анархическое рабочее движение. В понимании анархистов, действия министра были призваны усилить его собственный Всеобщий союз трудящихся и ослабить их Национальную конфедерацию труда. Таким образом, в первый период Республики анархисты оказались в особенности настроены против Ларго Кабальеро. Хосе Пейратс писал, что, как министр труда, Ларго Кабальеро не только оказался пристрастным по отношению к собственной организации, «но и вызвал сектантское озлобление в конкурирующей организации»⁶.

Другое обстоятельство ещё больше усилило оппозицию анархистов левореспубликанско-социалистическому правительству. Речь идёт о насильственном подавлении новым режимом стихийных выступлений сельскохозяйственных рабочих в обширных районах центральной и южной Испании, требовавших раздела крупных землевладений в тех местах. Кульминационной точкой стало происшествие в Касас-Вьехас, когда Гражданская гвардия хладнокровно расправилась со взбунтовавшимися крестьянами⁷. Это событие в немалой степени способствовало падению правительства.

В этот первый период Второй Испанской республики анархисты, среди которых после 1931 г. преобладали крайние элементы ФАИ, приняли участие в серии местных восстаний в разных частях страны, которые привели к установлению либертарного коммунизма в

охваченных ими местностях. Ни одно из этих восстаний не продолжалось больше нескольких дней, и, как мы отмечали выше, фаисты рассматривали их как школы революции. Так или иначе, они способствовали усилению вражды между анархистами и республиканским режимом.

Другая важная составляющая крайне левого фланга в испанской политике, Коммунистическая партия, претерпела значительные изменения в этот период. Хосе Бульехос, генсек партии в начале 30-х, описывал их много лет спустя. Он говорил, что когда в 1932 г. вспыхнул мятеж генерала Санхурхо и Коммунистическая партия выдвинула лозунг «защиты Республики», вместо текущего коминтерновского «рабоче-крестьянского правительства», то он и другие партийные лидеры были объявлены оппортунистами и капитулянтами, поскольку, по мнению Москвы, «главная угроза для Республики и демократической революции исходила не от монархистов и правых партий... а от Асаньи, Ларго Кабальеро и Прието, представителей реакционного капитализма».

В результате: «Столкнувшись с нашим упорным отказом переменить позицию, что мы считали невыгодным для рабочего класса, Коминтерн решил отделить нас от партии, чтобы навязать ей свою точку зрения и тактику». На смену Бульехосу и его товарищам пришло «новое руководство Коммунистической партии, состоявшее из Хосе Диаса Уртадо, Висенте Урибе, Антонио Михе, Хесуса Эрнандеса и Хуана Астигаррабии», которое «направило свои удары на социалистов, не прекращая их до самого кануна революции октября 1934 г.»⁸.

Второй период Второй республики

После отставки левореспубликанско-социалистического правительства в ноябре 1933 г. были проведены новые выборы. На этих выборах анархисты призывали своих сторонников не голосовать, в соответствии с традиционными идеями анархизма. Результатом этого стала победа правых. (Тем не менее анархисты голосовали на каталонских региональных выборах, проведённых спустя два месяца после национальных, обеспечив победу «Левым республиканцам Каталонии»⁹.)

Ведущими силами правого лагеря после выборов 1933 г. стали Испанская конфедерация независимых правых (СЭДА), которая фактически являлась коалицией партий, возглавляемой Хосе Марией Хиль-Роблесом, и Радикальная партия, возглавляемая Алехандро Леррусом, который в начале века был демагогом околосоциалистического толка, но к 30-м годам сдвинулся вправо.

Другими правыми партиями, которые играли второстепенную роль в период 1933–1936 гг., но приобрели большое значение в месяцы, предшествовавшие Гражданской войне, и непосредственно во время войны, были Испанская фаланга, возглавляемая Хосе Антонио Примо де Риверой – сыном бывшего диктатора, и Традиционалистская партия. Первая была фашистской партией, несколько лидеров которой пришли из анархического движения. Традиционалисты, или карлисты, как их называли в народе, были консервативной партией, возникшей в гражданских войнах XIX века. Их позиции были особенно сильными на севере – в Наварре и Стране Басков, – но они также имели определённое число сторонников в

Арагоне и средиземноморских прибрежных провинциях. Как фалангисты, так и карлисты имели свои военизированные отряды. Долорес Ибаррури и другие отмечают, что полковник Варела, участник заговора генерала Санхурхо в Севилье в 1932 г., восстановленный в звании правым правительством 1933–1935 гг., перед Гражданской войной активно проводил обучение карлистских боевых групп – рекетес¹⁰.

Ещё одна партия, которая находилась на правом фланге в первый период Республики, изменила свою позицию в 1933–1936 гг. Это была Баскская националистическая партия. Хосе Бульехос так описывал этот процесс: «Хотя баскский национализм, в силу его ревностного католицизма, его консерватизма и преданности традициям, составлял часть правого блока в Учредительных кортесах, их автономистские ожидания не были удовлетворены, и проект Устава даже не был вынесен на рассмотрение нового парламента. Вследствие этого баскские националисты пошли на сближение с левыми... Правое правительство также не позволило провести муниципальные выборы в Стране Басков, предусмотренные республиканской конституцией»¹¹.

Логика парламентской арифметики после выборов 1933 г. должна была привести к формированию коалиционного правительства СЭДА и радикалов. Однако левые яростно выступали против участия членов СЭДА (слывших «фашистами») в правительстве, угрожая в этом случае поднять восстание. Только в октябре 1934 г. премьер-министр Леррус предложил Хиль-Роблесу стать военным министром и пригласил в кабинет других членов СЭДА.

Как и обещали социалисты вместе с некоторыми левыми республиканцами, Всеобщий союз трудящихся объявил всеобщую революционную стачку. Одновременно Луис Компанис, президент автономного правительства Каталонии, провозгласил этот регион «независимым в составе Испанской конфедерации». Наряду с этим всеобщая забастовка, устроенная Рабочим альянсом, началась в Барселоне, где профсоюзам ПОУМ и не слишком многочисленным сторонникам ВСТ удалось остановить работу общественного транспорта, большинства торговых заведений и некоторых ключевых заводов города. Это произошло несмотря на тот факт, что представитель регионального комитета НКТ выступил по радио и объявил, что никакого призыва ко всеобщей стачке не было¹².

Однако уже через несколько часов Компанис сдался правительственным войскам, вышедшим против него из казарм. Одним из долгосрочных последствий этого неудачного демарша каталонских сепаратистов стало то, что в руках анархистов оказалось большое количество оружия, брошенного каталонскими националистическими боевыми группами.

Единственной частью Испании, где в октябре 1934 г. произошло настоящее восстание, была Астурия. Это была единственная область, где анархисты сотрудничали с социалистами, не только в проведении всеобщей стачки, но и в захвате контроля над регионом. Экспедиции под командованием генерала Лопеса де Очоа, состоявшей главным образом из марокканцев и иностранных легионеров, потребовалось две недели, чтобы подавить восстание. Военная операция в Астурии проходила под наблюдением генерала Франсиско Франко, который был вызван в Мадрид с Балеарских островов, где он был командующим войсками, и фактически стал руководить работой Военного министерства и Главного штаба¹³.

После этих событий правое правительство усилило натиск на все левые элементы. Десятки тысяч рабочих, крестьян, политиков и других людей оказались в тюрьмах. Под суд попали многие важные политические фигуры, включая лидера ВСТ Франсиско Ларго Кабальеро, который был приговорён к смертной казни, но освобождён спустя полтора года. Бесконечные аресты анархистов, социалистов, левых республиканцев и других вызвали ожесточение у левых и стали важным фактором, предопределившим падение правого правительства¹⁴.

На следующий год после Октябрьского восстания правое правительство было поражено изнутри. Администрация Лерруса и, в особенности, его Радикальная партия были запятнаны серией коррупционных скандалов, которые в итоге заставили Лерруса подать в отставку. Другим немаловажным результатом этих скандалов стал откол от Радикальной партии значительной умеренно левой фракции, возглавляемой Диего Мартинесом Баррио, которая сформировала Республиканский союз.

Ещё одно существенное изменение среди республиканских партий среднего класса произошло в начале 1934 г. «Республиканское действие» и Радикально-социалистическая партия, две республиканские партии, участвовавшие в правительстве 1931–1933 гг., объединились и образовали партию «Левые республиканцы» во главе с Мануэлем Асаньей, Марселино Доминго и Альваро де Альборносом¹⁵.

Бернетт Боллотен цитирует мадридскую умеренно-либеральную газету «El Sol», охарактеризовавшую правительственную политику на протяжении двух с лишним лет правления правых: «Во время второго двухлетия мы впали в другую крайность. За несколько месяцев зарплата резко упала с десяти-двенадцати песет в день до четырёх, трёх и даже двух. Собственники мстили рабочим, не понимая, что тем самым они накапливают горючую массу для социального пожара в ближайшем будущем. Одновременно многие землевладельцы, которых предписания правительства заставили снизить арендную плату, приступили к выдворению крестьян-арендаторов...»¹⁶

В сентябре 1935 г. премьером вместо Лерруса стал Хоакин Чапаприета, недолгое время занимавший министерский пост при монархии. Однако его правительство просуществовало лишь около трёх месяцев, прежде чем было сброшено очередным скандалом. Тогда президент Нисето Алькала-Самора, вместо того чтобы обратиться к СЭДА за кандидатурой нового премьер-министра, назначил Мануэля Портелу Вальядареса, главу небольшой центристской партии. Когда тот оказался неспособным получить поддержку большинства в кортесах, президент уполномочил его распустить парламент и назначить новые выборы на 16 февраля 1936 г.¹⁷

Народный фронт

На выборах 1933 г. левые были расколоты на социалистов, различные республиканские партии и других, проходивших по разным спискам, в то время как правые в большинстве своём были едины. На выборах в феврале 1936 г. ситуация была противоположной: практически все левые, за исключением анархистов, были объединены в Народном фронте.

Идея создания некоего объединённого фронта левых сил зародилась вскоре после победы правых в ноябре 1933 г. Рабоче-крестьянский блок (предшественник ПОУМ) первым предложил создать Рабочий альянс, включающий все профсоюзные организации и рабочие партии. В декабре в Каталонии был образован такой союз, куда вошли сам Блок и профсоюзы, находившиеся под его влиянием, трейнистская фракция НКТ, каталонская организация ВСТ, несколько левых партий и Союз рабасайрес – региональная организация крестьян-издольщиков. В течение 1934 г. рабочие альянсы были созданы почти по всей Испании. Единственным регионом, где в них участвовало большинство НКТ, была Астурия.

По мере того как во второй половине 1935 г. усиливалось разложение правого правительства и возрастали шансы на новые выборы, социалисты и республиканские партии начали переговоры о создании предвыборного альянса. Следуя недавним изменениям в политике Коминтерна, направленным на поддержку народных фронтов, коммунисты попросили включить их в эти переговоры и получили согласие. За ними последовали каталонские левые партии, Синдикалистская партия, недавно сформированная лидером НКТ Анхелем Пестаньей, и, наконец, несмотря на возражения коммунистов, Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ), которые были допущены к участию в том, что к тому времени стали называть Народным фронтом. Фронт распределял места в бюллетенях между участвующими организациями так, чтобы партии фронта не конкурировали друг с другом.

Успех Народного фронта в значительной степени зависел от того, какую позицию займут по отношению к выборам анархисты. Этот вопрос вызвал жаркую дискуссию в рядах НКТ. В итоге анархисты предоставили своим сторонникам индивидуальное право решать, голосовать им или нет, не став отстаивать традиционную для них антиэлекторальную позицию.

Поступить так анархистов, без сомнения, заставило одно чрезвычайно важное обстоятельство – пребывание в тюрьме десятков тысяч политзаключённых, значительную долю среди которых составляли их соратники. Пока правые оставались у власти, эти узники имели мало шансов на освобождение, тогда как новое левое правительство в первую очередь должно было, среди прочего, выпустить политзаключённых из тюрем. Так или иначе, указывает Гомес Касас, со стороны анархистов «не наблюдалось практически никакого бойкота выборов»¹⁸.

Победа левых на выборах в феврале 1936 г. была достигнута с достаточно незначительным перевесом, чтобы полагать, что голоса, поданные за них анархистами, оказались решающими. Народный фронт набрал 4 540 000 голосов, а центристы и правые – 4 300 000. Тем не менее партии Народного фронта получили 271 место в новых кортесах, партии центра – 52, правые партии – 129¹⁹.

Революционная ситуация февраля – июля 1936 г. Месяцы между февральскими выборами и началом Гражданской войны в середине июля были отмечены стремительно усиливавшейся политической поляризацией, ростом насилия и угрозами восстания как справа, так и слева. Это была действительно революционная ситуация²⁰.

Фундаментальной проблемой в те месяцы была слабость правительства. В течение всего периода, с февраля по июль, кабинет состоял из одних представителей республиканских партий среднего класса. Социалисты, имевшие наибольшее представительство в кортесах – и всё же меньше того, на что они могли рассчитывать, поскольку, из-за распределения кандидатов в списках Народного фронта, многие депутаты от республиканских партий фактически были избраны голосами рабочих и крестьян, поддерживавших социалистов, – отказались войти в правительство.

Одним из первых действий новых кортесов стало отрешение от должности президента Нисето Алькала-Саморы и избрание вместо него Мануэля Асаньи. Хотя Асанья в первые годы Республики имел репутацию твёрдого человека, он оказался неспособным справиться с текущей политической ситуацией, которая становилась всё более конфликтной и хаотической, ни как премьер-министр (он занял этот пост сразу после выборов), ни затем как президент.

Другой проблемой этого периода стал глубокий раскол в Социалистической партии. Внутри неё образовались две главные фракции – левая, возглавляемая Франсиско Ларго Кабальеро, чьи сторонники контролировали Всеобщий союз трудящихся, и центристская, возглавляемая Индалесио Прието, который контролировал бóльшую часть партийного аппарата, по крайней мере на национальном уровне. Это напряжённое соперничество продолжалось практически до конца Гражданской войны, хотя в ходе неё фракции поменялись местами. В частности, они изменили свою позицию по отношению к коммунистам.

После окончания первого периода Республики и поражения социалистов и левых республиканцев на выборах 1933 г. Франсиско Ларго Кабальеро стал радикализироваться. Он пришёл к выводу, что сотрудничество с республиканскими партиями в этот период было ошибкой, так как оно не позволило правительству провести давно ожидаемые коренные реформы (что было правдой). Он начал пропагандировать необходимость «диктатуры пролетариата», не разъясняя в подробностях, что он под этим подразумевает. В месяцы, остававшиеся до начала войны, его влияние во многом способствовало тому, что социалисты не участвовали в правительстве. В то время он говорил о необходимости рабочей революции. Хосе Пейратс предположил, что одной из причин радикализации Ларго Кабальеро стала его обеспокоенность быстрым ростом НКТ в области Мадрида, одном из его основных центров поддержки²¹.

В данной ситуации коммунисты горячо приветствовали левизну Ларго Кабальеро, по крайней мере на публике, хотя Бернетт Боллотен утверждает, что в частных беседах они довольно критически отзывались о его «инфантильности»²². Их пресса называла его «испанским Лениным» – титул, который, по словам Луиса Аракистайна, «был пожалован из Москвы»²³. При удобном случае Ларго Кабальеро и сам использовал это прозвище. Коммунисты поддерживали Ларго Кабальеро потому, что они надеялись извлечь выгоду из его позиции – и они действительно извлекли её.

Первым шагом, который сулил немалую выгоду коммунистам, было согласие руководства ВСТ принять в его ряды горстку профсоюзов, входивших в прокоммунистическую «унитарную» конфедерацию труда. Коммунисты ликвидировали эту конфедерацию в

декабре 1935 г. в рамках новой политики Коминтерна по объединению профессионального движения во всём мире, что должно было способствовать принятому курсу на создание народных фронтов. Хотя последствия этого шага, конечно, в то время нельзя было предвидеть, вхождение их профсоюзов в ВСТ дало сталинистам, впервые за многие годы, возможность хотя бы отчасти опереться на одну из двух массовых рабочих организаций страны.

Коммунистическая партия значительно выросла в месяцы, предшествовавшие Гражданской войне. Более или менее официальный отчёт сталинистов времён войны утверждал, что с февраля по июль 1936 г. их численность возросла с 30 до 102 тысяч²⁴. Хотя эти числа могут быть несколько преувеличены, рост численности и влияния коммунистов после выборов февраля 1936 г. не подлежит сомнению.

Одной из самых обсуждаемых тем в предвоенные месяцы была возможность слияния Социалистической и Коммунистической партий и создания единой рабочей партии. Ларго Кабальеро, казалось, подхватил эту идею, возможно убеждённый, что Социалистическая партия, во много раз превосходившая коммунистов, сможет нейтрализовать их и ассимилировать. У коммунистов, конечно же, имелись совершенно другие мысли на сей счёт.

Какие это были мысли, давало понять событие, произошедшее в апреле 1936 г. Молодёжное движение социалистов, насчитывавшее около 200 000 участников, и коммунистическая молодёжь, численностью «не более 50 000», объединились, образовав Федерацию объединённой социалистической молодёжи (ОСМ)²⁵. Ларго Кабальеро одобрял эту идею, по крайней мере на первых порах, а Федерация социалистической молодёжи энергично поддерживала Ларго Кабальеро в рядах социалистов.

Однако способ, которым было проведено это слияние, и характер организации, которая возникла в результате него, естественно, оказались не такими, как ожидал Ларго Кабальеро. Переговоры велись в квартире Хулио Альвареса дель Вайо, который тогда, как предполагалось, был одним из главных соратников Ларго Кабальеро в Социалистической партии, но позднее стал его злейшим врагом. Лидеры социалистической молодёжи вели долгие дискуссии с Викторией Кодовильей, тогда главным агентом Коминтерна в Испании, и тот устроил для них поездку в Москву, где они совещались, в числе прочих, с Дмитрием Мануильским, одним из руководителей Коминтерна. Можно не сомневаться, что именно те беседы определили природу нового «объединённого» молодёжного движения²⁶. Когда объединение произошло, новая организация немедленно вступила в Коммунистический интернационал молодёжи. Во время Гражданской войны ОСМ предстояло стать одной из ключевых деталей сталинистского аппарата в Испании. Большинство её высших национальных лидеров вступили в Коммунистическую партию в течение первых нескольких месяцев войны.

Однако в ходе Гражданской войны наметились тенденции к разрыву между социалистическими и коммунистическими элементами внутри ОСМ. Пальмиро Тольятти, направлявший работу Коминтерна в Испании, отметил выход прокабальеровских молодых социалистов из ОСМ, случившийся в провинции Мурсия уже в мае 1937 г.²⁷ Около года

спустя он обвинял национального секретаря Социалистической партии Ламонеду в организации социалистических групп внутри ОСМ и критиковал лидеров Социалистической партии за требование реорганизовать руководство ОСМ на условиях паритета между социалистами и коммунистами, требование, на которое Политбюро Компартии ответило отказом²⁸. Дэвид Каттелл также отметил, что местные организации Социалистической партии в Хаэне, Альбасете и Альмерии поддерживали «неофициальные органы “Социалистической молодёжи”, тесно связанные с Социалистической партией в своих районах»²⁹.

Фракция Индалесио Прието была решительно настроена против любых разговоров о возможном единстве социалистов и коммунистов и вообще против линии, которую проводил в эти месяцы Ларго Кабальеро. Прието, искушённый в парламентской политике, имел репутацию превосходного оратора и делового человека. Он неплохо ладил с политиками республиканских партий и одно время рассматривался ими как потенциальный премьер-министр, чему сильно воспротивился Ларго Кабальеро³⁰. Он прочно контролировал партийную машину социалистов в те месяцы. Гэбриел Джексон утверждает, что победа Прието на внутрипартийных выборах в июне 1936 г. была «первым видимым свидетельством того, что революционный прилив в Социалистической партии начинал ослабевать»³¹.

А пока в Социалистической партии происходило резкое размежевание, анархисты преодолевали тяжёлый раскол в их рядах, произошедший в первые годы Республики. На майском конгрессе в Сарагосе трейнтинистские (нефаистские) оппозиционные профсоюзы, вышедшие или исключённые из Национальной конфедерации труда, были восстановлены и приняли полноценное участие в съезде, после чего их представители вошли в руководство анархо-синдикалистского профсоюзного движения.

Если среди левых между февралём и июлем 1936 г. усиливалась поляризация, то сходный процесс происходил и на правом фланге испанской политики. Хотя СЭДА по итогам выборов получила вторую по численности депутатскую фракцию в кортесах и далеко опередила прочие правые партии, её позиции серьёзно пошатнулись в последующие месяцы.

Внутри СЭДА на смену Хиль-Роблесу пришли более радикальные элементы, в частности Хосе Кальво Сотело. В своих пламенных речах, в парламенте и вне его, Кальво Сотело обрушивался на левых, обличал слабость действующего правительства и пророчил надвигающуюся катастрофу. Он почти наверняка был вовлечён в заговор военных, который привёл к Гражданской войне.

В то же время сама СЭДА уступала свои позиции откровенным экстремистам справа. Карлисты и фалангисты переносили борьбу на улицы, где у них происходили постоянные столкновения, особенно с социалистическими и коммунистическими молодёжными группами. Лидер Фаланги Хосе Антонио Примо де Ривера был арестован правительством.

В этот период Фаланга росла особенно быстро. Многие молодые люди, ранее принадлежавшие к СЭДА, перешли в организацию Примо де Риверы. В эти месяцы она из небольшой маргинальной группы превратилась в крупного игрока на испанской политической сцене³².

Обе стороны политического спектра всё чаще обращались к насилию в борьбе против своих оппонентов. Это вело к многочисленным смертельным исходам. Стэнли Пейн приводит полицейскую статистику, показывающую, что в результате политического насилия с 17 февраля по 17 июля 215 человек были убиты и 537 получили ранения³³.

Два из этих актов насилия, произошедшие всего за несколько дней до начала Гражданской войны, получили особенно широкую огласку. Молодой офицер Штурмовой гвардии, преданный Республике, был убит, по-видимому правыми экстремистами. Несколько его сослуживцев, решив отомстить за него, в ответ похитили и убили Хосе Кальво Сотело, который, вероятно, стал бы гражданским предводителем мятежников, если бы выжил. Хотя некоторые утверждали, что расправа над Кальво Сотело и была тем актом, который спровоцировал выступление 17 июля, она определённо не имела такого значения – мятеж был спланирован и готов был начаться задолго до этого убийства.

Социально-экономическое развитие

Месяцы с февраля по июль 1917 г. были отмечены масштабными сдвигами как в сельской местности, так и в городах. В центральной и южной частях страны происходили массовые захваты земли арендаторами и батраками, и одновременно правительственный Институт аграрной реформы приступил к осуществлению обширной программы по легальной экспроприации земли и передаче её крестьянам. Согласно одному отчёту, институт за четыре месяца изъял 600 000 гектаров пахотной земли и разместил на ней 100 000 крестьян³⁴. Согласно Эдварду Малефакису, «с марта по июль было перераспределено гораздо больше земли, чем за всю предыдущую историю Республики»³⁵.

В некоторых местах происходили крупные стачки сельскохозяйственных рабочих. Эдвард Малефакис пишет: «За два с половиной месяца между 1 мая и началом гражданской войны 18 июля Министерство труда зарегистрировало 192 аграрных забастовки – столько же, сколько за весь 1932 г., и почти половину того, что приходилось на беспокойный 1933-й»³⁶.

В городах также происходили серьёзные изменения:

“ «Острое беспокойство у правительства вызывали не только волнения в сельской местности, но и не в меньшей степени трудовые конфликты в городских центрах. С конца мая до начала Гражданской войны Республику сотрясали забастовки, затронувшие почти каждую профессию и каждую провинцию. Несмотря на цензуру, колонки прессы пестрели сообщениями о продолжающихся забастовках, о старых забастовках, которые были прекращены, о новых забастовках, которые были объявлены и объявлением которых угрожали, о частных забастовках и всеобщих забастовках, о сидячих забастовках и забастовках солидарности. Забастовки проводились не только за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и оплачиваемый отпуск, но и для обеспечения

реализации декрета от 29 февраля, обязавшего работодателей принять обратно всех рабочих, уволенных по политическим мотивам после 1 января 1934 г., и выплатить им компенсацию»³⁷.

Возможно, самой серьёзной из всех была стачка строительных рабочих Мадрида. Она началась как совместная акция профсоюзов ВСТ и НКТ, но после того, как ВСТ объявил о её прекращении, строители НКТ отказались последовать за ним, что привело к столкновениям между анархическими и социалистическими рабочими и аресту руководителей профсоюза строителей НКТ. В итоге, когда началась Гражданская война, они были освобождены и, под руководством Сиприано Меры, организовали милиционную колонну, которая отвоевала для Республики провинцию Куэнка³⁸.

Заговор военных

На этом бурном внутривнутриполитическом фоне влиятельные круги в высшем командовании испанских вооружённых сил готовили вооружённый мятеж, которому предстояло стать отправной точкой Гражданской войны. Перемены в правительстве на удивление мало влияли на эту подготовку.

Хосе Бульехос, бывший генеральный секретарь Коммунистической партии Испании, утверждал: «Историческая правда заключается в том, что план мятежа не был сымпровизирован в первые месяцы 1936 г. и не являлся результатом политики правительства Асаньи и Касареса Кироги, но начал разрабатываться в 1933 г., когда группа высших военных чинов, в большинстве своём монархистов, создала Испанский военный союз, в высшей степени реакционную организацию, намереваясь восстановить монархию... Согласно фашистским источникам... организация мятежа против Республики началась в марте того года на частых встречах с участием именитых военных и политических лидеров, в том числе генералов Франко, Кейпо де Льяно, Вильегаса и полковника Ягуэ»³⁹.

Некоторые крайне правые гражданские политики вступили в контакт со многими ведущими генералами, включая Франко, Фанхуля и Годеда, ещё перед выборами февраля 1936 г., предлагая совершить переворот для предотвращения победы левых⁴⁰. Сразу после того, как результаты выборов стали известны, не только генерал Франко, бывший начальником генерального штаба, но и политические лидеры Кальво Сотело и Хиль-Роблес, как теперь известно, пытались заставить премьер-министра Портелу Вальядареса и президента Алькала-Самору объявить военное положение, которое фактически передало бы власть в руки армии. И премьер-министр, и президент отклонили эти требования и согласились на немедленное формирование правительства из сил, победивших на выборах, с Мануэлем Асаньей во главе⁴¹.

Долорес Ибаррури и её коллеги, ссылаясь на франкистские источники, утверждают, что основа заговора, который в итоге привёл к гражданской войне, была заложена в конце февраля, прежде чем Франко покинул Испанию в связи с назначением его командующим на

Канарские острова: «Была образована первая хунта генералов, ответственная за организацию мятежа и состоявшая из Мола, Варелы, Годеды, Франко, Саликета, Фанхуля, Понте и Оргаса. Санхурхо был определён руководителем движения, а генералу Родригесу дель Баррио была поручена координация действий заговорщиков»⁴².

Когда левые вернулись к власти, новое правительство предприняло некоторые шаги, предположительно направленные на то, чтобы ослабить тех военных, которые могли строить заговоры против режима. Однако эти меры были весьма умеренными и довольно неэффективными.

Левореспубликанское правительство, в основном, перетасовывало командиров, надеясь задвинуть потенциально мятежных генералов на должности, где они не могли нанести большого ущерба Республике. Генерала Франсиско Франко «сослали» командовать гарнизоном на Канарских островах, вблизи африканского побережья – откуда он без особых затруднений поддерживал связь с войсками в Испанском Марокко, где у него было много сторонников. Генерал Эмилио Мола был поставлен командующим в Наваррском регионе в Северной Испании, где он быстро завербовал для заговора карлистов, которые пользовались в той области большим влиянием и имели крупные полувоенные формирования. Генерал Мануэль Годед, также попавший под подозрение, был назначен командующим гарнизонами на Балеарских островах, откуда он поддерживал тесный контакт с гораздо более важными войсковыми частями в Каталонии.

Хосе Бульехос говорит: «Несколько раз офицеры и генералы, лояльные Республике, сообщали главе правительства о подготовке государственного переворота и о лицах, гражданских и военных, вовлечённых в неё. Касарес Кирога никогда не обращал внимания на эти настойчивые предупреждения и не принимал необходимых предосторожностей»⁴³.

Один пользовавшийся значением левореспубликанский политик того времени предположил две причины, по которым правительство февраля – июля 1936 г. не пошло на более масштабную чистку вооружённых сил. С одной стороны, антиреспубликанские настроения были широко распространены в офицерской касте. Тотальная чистка противников Республики фактически означала бы ликвидацию вооружённых сил – настолько укоренёнными и многочисленными были неблагонадёжные элементы в офицерском корпусе.

Другая причина, не позволявшая правительству провести полную чистку армии, по словам данного политика, заключалась в том, что пойти на это – значило бы изменить весь баланс сил в тот момент. Республиканские партии оказались зажаты между социалистами слева и различными консервативными партиями справа. Если бы правительство всерьёз занялось чисткой армии, то республиканские партии в правительстве должны были бы доверить поддержание порядка социалистической милиции, и они опасались, что в этом случае полностью окажутся во власти Социалистической партии⁴⁴.

До того, как начался мятеж, предводителем заговора считался Хосе Санхурхо. Он был генералом Гражданской гвардии, возглавившим выступление в Севилье против Республики в августе 1932 г., после провала которого он был арестован и приговорён к длительному тюремному заключению. Однако правый режим после своего прихода к власти освободил

его. Санхурхо погиб в авиакатастрофе в Португалии как раз тогда, когда мятеж шёл полным ходом.

Официальная коммунистическая история Гражданской войны подчеркнула роль офицеров, которые провели большую часть своей карьеры в Испанском Марокко, во время его затянувшегося до бесконечности завоевания, последующего умиротворения колонии и, наконец, подготовки мятежа 1936 года. В этом издании говорится: «За время колониальной войны против марокканского народа там сложилась группа военных, называемых “африканистами”, разделявших монархические и крайне реакционные взгляды и служивших по большей части в соединениях, набранных из марокканцев... или в наёмных войсках Иностранного легиона. К таковым относились Санхурхо, Мануэль Годед, Франко, Ягуэ, Мильян Астраи... Гарсия Валино... Муньос Грандес... и другие»⁴⁵. Позднее, в 1935 г., когда Хосе Мария Хиль-Роблес был военным министром, он назначил этих людей на ключевые посты в военной иерархии⁴⁶.

Генералы и офицеры, участвовавшие в заговоре, готовили его, почти не скрываясь. Несмотря на постоянные открытые призывы анархистов, коммунистов, поумистов и левых социалистов, к которым также просачивались сведения, правительство практически ничего не делало, чтобы помешать заговорщикам. Более того, 18 мая оно опубликовало официальное обращение, в котором говорилось: «Все сержанты и офицеры армии преданны Республице, и будет клеветой утверждать противоположное»⁴⁷.

Принято считать, что огромное большинство офицерского корпуса испанских вооружённых сил было вовлечено в Июльский путч 1936 г. Так, Сальвадор де Мадарьяга писал: «За редкими исключениями, можно сказать, что каждый офицер армии, у которого была такая возможность, присоединился к мятежникам. Из офицеров, которые остались на стороне правительства, лишь меньшинство поступило так по личному убеждению. Большинство присоединились бы к своим товарищам, если бы положение им позволяло; они часто и время от времени удачно пытались перейти на другую сторону»⁴⁸.

Сами мятежники также рисовали картину движения, в котором вся армия выступила как единое целое, хотя фактически дело обстояло иначе. Большинство высших командующих вооружённых сил не участвовали в заговоре, и во многих местах мятеж возглавили их заместители, взявшие на себя командование.

Как подсчитали Хосе Коста Фонт и Рамон Мартинес Гонсалес, в мятеже принял участие лишь один из восьми командующих военными округами; 17 из 21 генерала остались верны Республице; все шесть генералов Гражданской гвардии были лояльны, как и главнокомандующий авиации. Из 59 бригадных генералов только 17 присоединились к мятежникам.

Шестнадцать генералов, не успевших покинуть области, где торжествовали мятежники, были застрелены. Коста Фонт и Мартинес комментируют: «Никогда не проливалось столько крови военных высших чинов, сколько было пролито в этом сражении в защиту Республицы».

В числе высших офицеров, казнённых мятежниками, были генерал-капитан Второго округа (с центром в Севилье) и командующий Восьмым округом (Галисия). Кроме того, мятежниками были казнены генералы, занимавшие должности военных губернаторов Гранады, Сарагосы, Ла-Коруньи, Севильи, Бургоса, Саламанки и трёх марокканских городов – Тетуана, Мелильи и Сеуты. По наблюдению Косты Фонта и Мартинеса Гонсалеса, «первыми жертвами июльского мятежа 1936 г. стали не гражданские губернаторы, мэры, депутаты кортесов, члены левых партий и профсоюзов, а генералы, военачальники, пролившие свою кровь в защиту законности»⁴⁹.

Стэнли Пейн обращает внимание на число офицеров регулярной армии, оставшихся лояльными: «По меньшей мере 70 процентов офицеров, находившихся на действительной службе, оказалось на территории левых, и не больше трети активно участвовало в мятеже. В общей сложности, насчитывалось около 10 000 кадровых офицеров, которые не поддержали мятежников и находились в распоряжении левых. При наличии у политических лидеров достаточного понимания и воображения эти люди могли быть задействованы в боевых операциях, решив их исход. Революционная волна, поднявшаяся после 19 июля, по большей части исключала эту возможность»⁵⁰.

Начало Гражданской войны

Сигналом к началу мятежа стал вылет генерала Франсиско Франко с Канарских островов 17 июля 1936 г., сначала во Французское и на следующий день в Испанское Марокко. Перед прибытием Франко его сообщники установили полный контроль над колонией. Почти немедленно были предприняты шаги по переброске войск оттуда (преимущественно марокканцев и иностранных легионеров) в материковую Испанию.

Реакция республиканского правительства на события 17 июля была, мягко говоря, вялой. Премьер-министр Сантьяго Касарес Кирога 18 июля объявил, что мятеж был локализован, в то время как он уже распространился на Севилью и Малагу. Но 19 июля Касарес Кирога подал в отставку, и президент Мануэль Асанья поручил Диего Мартинесу Баррио сформировать новый кабинет. Новый премьер пытался договориться с мятежниками и даже, как говорят, предлагал генералу Моле пост военного министра. Его кабинет подержался меньше суток.

В итоге президент Асанья назначил премьер-министром левореспубликанского лидера Хосе Хиралю, и тот, наконец, согласился исполнить требование рабочего движения и лоялистских партий, вооружив рабочих и других, кто хотел защищать Республику. Это решение имело особую важность, по крайней мере для Мадрида⁵¹.

Стэнли Пейн считает, что нерешительность левореспубликанских лидеров перед лицом вооружённого мятежа имела катастрофические последствия:

■

«[Они] впали почти в полный паралич... В дни 17–19 июля за предводителями мятежа последовала едва половина испанской армии, а большая часть флота, воздушных сил и полиции оставалась лояльной. Если бы Асанья... и его коллеги решительно и энергично предприняли усилия, чтобы сохранить целостность государства после 17 июля, то нет оснований полагать, что подобная попытка была бы обречена на поражение... Только два полка в столице присоединились к мятежу, и не исключено, что ситуацию можно было бы удержать под контролем, не давая воли революционерам. В своём последнем разговоре с Асаньей в ночь на 19 июля Мигель Маура призывал его сосредоточить абсолютную власть в руках республиканского правительства, но это требовало смелости, которой Асанье не доставало. Президент считал, что в момент кризиса революционеры не станут подчиняться приказам правительства, если им не позволят создать параллельные органы власти. Многолюдные и агрессивные уличные демонстрации против кабинета Мартинеса Баррио в Мадриде 19 июля утвердили его в этом мнении. Весьма вероятно, предположение Асаньи было верным, но остаётся фактом, что он не захотел это проверить»⁵².

Национальный комитет НКТ и начало мятежа

Видя нерешительность правительства после начала мятежа Франко и других генералов, национальные лидеры НКТ, как и другие группы, готовые противостоять мятежникам, чувствовали растущее разочарование. Много лет спустя Ф. Креспо в эмигрантском анархическом издании «Надежда» (Espoir) описывал действия Национального комитета НКТ, который тогда находился в Мадриде:

“ «После полудня 17-го и до утра 19-го Национальный комитет НКТ передал около 80 сообщений по телефону, одновременно отвечая на обращения региональных, провинциальных и комаркальных (районных) организаций Либертарного движения. Все мнения совпали, и анархо-синдикализм проявил инициативу, решительность и готовность дать ответ фашизму, импортированному из Берлина, Рима и Лиссабона... С убеждением, что 900 000 рабочих, принадлежащих к НКТ... готовы к борьбе, в три часа дня составили коммюнике для революционеров, перечисляя те меры, которые были приняты несколько часов спустя. Национальные комитеты трёх ветвей Либертарного движения, НКТ, ФАИ и ЛМ, единодушно решили положить конец самоубийственным колебаниям официального антифашизма...»

В результате этих действий, пишет Креспо:

“ «В семь вечера Национальный комитет НКТ, готовый преодолеть любое сопротивление или препятствие, которое могло встретиться на его пути, вошёл в здание Национальной радиостанции и попросил выделить ему время в эфире для не более чем шестиминутного выступления. Несколько удивившись и пожелав узнать, что именно хотела сообщить НКТ, однако не дав прямого отказа, поскольку Национальный комитет ясно выразил своё намерение, работники радиовещательного аппарата передали наше решительное заявление о том, что анархо-синдикализм без промедления вступает в революционный бой, чтобы противостоять фашизму везде, где он проявил себя, и везде, где он ещё этого не сделал, но укоренился».

После этого члены Национального комитета НКТ покинули радио. В 10 часов, тем же вечером 19 июля, ВСТ передал аналогичное сообщение по той же станции⁵³.

Мятеж в Каталонии

Анархисты уже несколько лет имели боевые группы в разных районах Барселоны. Они разработали стратегию и тактику захвата контроля над городом. Однако после февральских выборов 1936 г., когда возможность военного переворота против Республики становилась всё более реальной, они пересмотрели свои планы, чтобы использовать их в случае подобного выступления вооружённых сил.

После того, как угроза военного переворота стала практически неоспоримой, анархисты вошли в контакт с каталонским президентом Луисом Компанисом с целью предупредить такое развитие событий. Был создан контактный комитет каталонского правительства и анархистов, чтобы отслеживать подготовку военного заговора. 16 июля региональный пленум НКТ попросил правительство предоставить тысячу винтовок⁵⁴.

Однако президент Компанис и его правительство продолжали отклонять требования анархистов по вооружению рабочих, чтобы те могли оказать сопротивление военному мятежу. Вследствие этого в дни накануне мятежа анархистам пришлось обойти оружейные магазины, где они раздобыли охотничьи ружья, но у них по-прежнему не было винтовок и тяжёлого вооружения.

Анархически настроенные портовые рабочие предприняли вылазку на суда, стоявшие в гавани Барселоны, чтобы взять там оружие, которое, как они знали, «на всякий случай» держали все экипажи. Однако каталонское правительство отреагировало на это отрицательно и послало штурмовых гвардейцев вернуть оружие. В итоге был достигнут компромисс: анархисты отдали часть захваченного оружия, оставив большую часть себе. Анархисты также разоружили большинство частных охранников в городе и припрятали их оружие.

В других вопросах каталонское правительство также отказывалось сотрудничать с анархистами. Цензоры запретили публикацию в «Solidaridad Obrera» инструкций ФАИ рабочим о действиях в случае вооружённого мятежа. ФАИ немедленно перепечатала эту инструкцию в виде листовки. Выпуск «Рабочей солидарности» от 18 июля также был подвергнут цензуре, поскольку она сообщила о выступлении военных в Марокко на день раньше, чем «La Vanguardia».

Как бы то ни было, агенты анархистов в городских казармах сообщили НКТ, что мятеж должен начаться в первые часы 19 июля. НКТ проинформировала Хенералидад о том, что реквизирует транспортные средства, чтобы поддерживать связь между анархическими комитетами обороны в разных частях Барселоны. По всему городу начали разъезжать автомобили с надписью «CNT-FAI» 55.

«La Vanguardia» в выпуске от 19 июля разместила на первой полосе передовую статью, озаглавленную «Порядок восстановлен», и для убедительности привела соответствующее заявление каталонского советника по внутренним делам. Однако внизу той же страницы, под неприметным заголовком «Аресты и конфискованное оружие», сообщалось: «Прошлой ночью в камерах Генерального комиссариата общественного порядка находилось большое число арестованных, в большинстве своём связанных с фашистами, а в различных полицейских участках находится большое количество боевого и личного оружия разного вида и калибра, изъятого полицией утром и днём в ходе многочисленных обысков в политических центрах, в особенности принадлежащих крайне правым».

Ранним утром 19 июля армейские силы начали выдвигаться из казарм Барселоны, чтобы захватить город. Немедленно зазвучали сирены всех фабрик и судов в гавани, как и планировали анархисты.

Анархисты собрали свои силы обороны в профсоюзных помещениях города, их штаб-квартира располагалась в Союзе строительных рабочих. (Франк Еллинек ошибался, утверждая, что в Каталонии не было «никакой милиции», поскольку у анархистов уже несколько лет были организованы комитеты обороны⁵⁶.) Они позволили солдатам оставить казармы, так как сопротивляться им на городских улицах было легче, чем штурмовать расположения частей. Мятежные армейские силы, таким образом, смогли войти в центр города, где они заняли важнейшие здания на Пласа-де-Каталунья, включая отель «Колон» и телефонную станцию.

Однако в рабочих кварталах анархическим комитетам обороны удалось взять верх над регулярной армией. Захватывая казармы, они получали всё больше оружия, включая пулемёты и даже пушку. Их поддерживали штурмовые гвардейцы, которые остались верны правительству.

Были серьёзные сомнения по поводу лояльности гражданских гвардейцев. Для этих сомнений имелись очевидные основания, так как большинство старших офицеров Гражданской гвардии в Барселоне обещали свою поддержку заговорщикам⁵⁷. Однако в итоге они связали свою судьбу с Республикой и сыграли важную роль при взятии оплотов мятежников на Пласа-де-Каталунья, в центре города.

К утру 20 июля мятеж был подавлен практически по всей Барселоне, кроме казарм Атаранасас. В ходе массовой атаки на эту цитадель мятежников, которая увенчалась успехом, был убит анархический лидер Франсиско Аскасо. К полудню военные мятежники были побеждены не только в Барселоне, но и по всей Каталонии⁵⁸.

Отдельные перестрелки продолжались в Барселоне ещё несколько дней после окончания основных боевых действий. Барселонская газета «La Vanguardia» 24 июля опубликовала инструкции от «делегата НКТ, Торио», которые были переданы по радио прошлой ночью и касались этих случайных стычек: «Милиционеров в первую очередь инструктируют о тактике, которой им надлежит следовать при столкновении с людьми, стреляющими с крыш. В этих инструкциях говорится, что они не должны расходовать боеприпасы, как это делалось до сих пор, без каких-либо положительных результатов. Вместо этого они должны сделать следующее: определить место, с которого ведётся стрельба, и если они не могут немедленно найти человека, который стреляет, то, как только дом, с которого ведётся огонь, будет определён, следует обыскивать здание, пока стрелки не будут обнаружены...»⁵⁹

В том же самом выпуске были опубликованы воззвания с требованием вернуться к работе, изданные барселонской и каталонской региональными федерациями НКТ, а также аналогичные обращения от отдельных профсоюзов.

Мятеж на Балеарских островах

Генерал Годед, один из руководителей армейского заговора, был командующим военного района Балеарских островов. 18 и 19 июля НКТ проводила региональный конгресс в Пальма-де-Мальорке. 18-го, когда пришли новости о мятеже в Марокко, лидеры НКТ и другие прореспубликанские силы попросили гражданского губернатора островов раздать оружие народу, чтобы защитить режим от возможного выступления на Мальорке. Тот отказался, говоря, что генерал Годед заверил его в своей полной поддержке Республики.

Однако на следующий день рано утром оружие было роздано сторонникам Фаланги, собравшимся в соборе Пальма-де-Мальорки. Большинство рабочих острова, состоявших в профсоюзах, были членами ВСТ, который, очевидно, не стал брать на себя инициативу в данной ситуации. Генерал Годед стремительно перешёл в наступление и объявил в регионе военное положение, присоединившись, таким образом, к мятежу. Многие сэнэтисты, съехавшиеся на региональный конгресс, были арестованы и расстреляны, в их числе были представители из других частей Испании. Считается, что всего было казнено 75 анархистов.

Но на Менорке события развивались по-другому. Там большинство в профсоюзном движении принадлежало НКТ, и она приняла энергичные меры, чтобы установить контроль над островом, как только получила известие о начале мятежа в Марокко⁶⁰.

Мятеж в Мадриде

В столице мятежники колебались. Как предположил один важный левореспубликанский политический деятель, это объяснялось тем, что здесь командующий гарнизоном, генерал Хоакин Фанхуль, в действительности был больше политиком, чем военачальником. Он был депутатом кортесов и в решающий момент не мог определиться с выбором⁶¹.

Генерал Фанхуль держал войска в казармах Монтанья, и хотя у мятежников было достаточно оружия, а с офицерами-лоялистами быстро расправились, они не выдвигались из казарм ни 18-го, ни 19-го. Тем временем недавно арестованные лидеры НКТ были освобождены и вновь открыли свою штаб-квартиру, закрытую правительством. НКТ и ВСТ совместно объявили всеобщую стачку, и социалисты во главе с Карлосом Барайбаром устроили в местном отделении ВСТ центр связи, куда, при содействии почтовых и железнодорожных работников, стекалась информация о положении в разных частях Республики. 19 июля рабочим было роздано около 5 000 винтовок из Артиллерийского парка, чьи военнослужащие остались лояльными⁶².

18 июля мадридская НКТ сформировала местный комитет обороны. Вскоре после этого анархисты захватили грузовик с оружием на площади Куатро-Каминос. Они также пригрозили напасть на тюрьмы, чтобы вызволить заключённых членов НКТ, после чего премьер-министр Хираль освободил их⁶³.

Бои начались утром 20 июля. Базировавшаяся в Хетафе, в предместьях Мадрида, 1-я эскадрилья авиации оставалась лояльной, и когда в 6 утра мятежный 1-й полк лёгкой артиллерии открыл огонь по городским кварталам, посланные из Мадрида рабочие НКТ, подкреплённые солдатами с авиабазы, напали на казармы артиллеристов и заняли их. Оружие, захваченное там, сослужило хорошую службу тем же днём при взятии гарнизона в самом Мадриде⁶⁴.

Тем временем казармы Монтанья были осаждены вооружёнными рабочими, усиленными Штурмовой гвардией. У осаждавших было три артиллерийских орудия, и поддержку им оказывали самолёты с военного аэродрома, где мятеж уже был подавлен. В самих казармах шла борьба, что, видимо, объясняет, почему в двух случаях был поднят белый флаг, но когда осаждавшие двинулись вперёд, их встретили пулемётным огнём.

Наконец, началась массированная атака на казармы, которая оказалась кровопролитной, но успешной. Многие защитники казарм были убиты. К концу 21 июля на стороне мятежников действовали только гражданские снайперы, за которыми велась охота. Колонны милиции из Мадрида были отправлены на захват Гвадалахары, Толедо, Куэнки и Алькала-де-Энареса, которые первоначально были захвачены войсками мятежников⁶⁵. Даже официальная коммунистическая историография, особо выделявшая роль коммунистических ополченцев в этих первых столкновениях, признавала важность участия в них анархических отрядов⁶⁶.

Много лет спустя поумистский лидер Хуан Андраде, который находился в Мадриде в дни мятежа, отдал должное роли Штурмовой гвардии в разгроме мятежников: «Нужно сказать, что штурмовые гвардейцы сыграли без преувеличения решающую роль, которая почти всегда упускалась из виду. Гвардейцы были единственным эффективным полицейским формированием, созданным республикой, и в Мадриде они были революционной силой,

почти исключительно состоявшей из социалистической молодёжи и других левых. Их значение в боях, которые последовали затем, также оказалось решающим; именно они были теми, кто фактически спас Мадрид в эти первые пару месяцев»⁶⁷.

Мятеж на Севере

В Наварре к мятежным частям генерала Мола быстро присоединились военизированные отряды карлистов, и вскоре они заполонили весь регион. Но в соседней Стране Басков сложилась совершенно иная ситуация. Хотя силы Мола смогли захватить контроль над провинцией Алава, граничащей с Наваррой, им не удалось проникнуть в Бискайю (с центром в Бильбао) и Гипускоа. В этих двух провинциях Баскская националистическая партия, крупнейшая политическая группа в регионе, призвала людей сохранять верность Республике. Гарнизон Бильбао не сдвинулся с места.

Много лет спустя Хуан Ахуриагерра, в 1936 г. бывший председателем отделения Баскской националистической партии в Бискайе, дал отчёт о результатах ночного заседания исполнительного комитета партии, состоявшегося после получения известий о мятеже в Марокко: «За ночь мы выяснили для себя одну вещь: военный мятеж был делом рук правой олигархии, чьим лозунгом было единство – агрессивное испанское единство, направленное против нас. Правые с бешеной яростью относились к любым попыткам ввести устав автономии для Страны Басков. Законное правительство, с другой стороны, дало нам обещание, и мы знали, что в итоге получим автономию. В 6:00, после бессонной ночи, мы вынесли единогласное решение. Мы выпустили обращение, в котором заявляли о нашей поддержке республиканского правительства»⁶⁸.

В Сан-Себастьяне выступили войска в одной из казарм и Гражданская гвардия, но как только прошло достаточно времени, чтобы мобилизовались рабочие, мятежники были разбиты. Годы спустя Мигель Гонсалес Инесталь, лидер сан-себастьянского союза рыбаков НКТ, рассказал об этих событиях. По его словам, когда он пришёл на переговоры с гражданским губернатором Артолой, левым республиканцем, по поводу прекращения забастовки рыбаков в связи с мятежом в Марокко, то оказалось, что губернатор ничего не знает о случившемся, а когда ему сообщили, он долго не мог решиться на что-либо. Вслед за этим, говорит Гонсалес Инесталь, «я подошёл к телефону и позвонил в свой профсоюз. Я сказал парням приготовиться к неприятностям, которые готовились на нас обрушиться. Голоса, раздавшиеся на том конце линии, казались довольными»⁶⁹.

В Сантандере, к западу от Страны Басков, гарнизон был окружён вооружёнными рабочими и сдался⁷⁰.

Далее на запад, в Астурии, обстановка несколько дней оставалась неясной. В региональной столице Овьедо были мобилизованы рабочие, но днём 18 июля полковник Аранда, командующий местным гарнизоном, убедил профсоюзных лидеров в своей верности Республике. Когда социалистические и анархические лидеры решили ответить на призыв из Мадрида о посылке подкреплений, Аранда помог им организовать колонну из 3 000 бойцов, включая шахтёров с динамитными шашками, и отправить её на юг. Коммунисты позднее

утверждали, что они были против того, чтобы Овьедо оставляли без милиционных сил⁷¹.

Как только рабочая милиция покинула Овьедо, Аранда раскрыл свои истинные намерения. Он приказал войскам оставаться в своих казармах и направил Гражданской гвардии по всему региону приказ срочно прибыть в Овьедо. Хотя анархисты и социалисты во главе с Ларго Кабальеро прекратили переговоры с полковником, правые социалисты и республиканцы продолжали его уговаривать. Аранда нашёл предлог покинуть встречу, возглавил свои войска и установил контроль мятежников над городом. Овьедо так и не был отвоёван Республикой в течение Гражданской войны, и невероятное количество ресурсов было потрачено в бесплодных попытках взять астурийскую столицу⁷².

Тем временем анархисты и социалисты успешно удержали под своим контролем остальную часть Астурии. В Хихоне, втором городе региона, офицеры в двух казармах колебались два дня, прежде чем выступить в поддержку мятежников, и за это время лояльные Республике силы установили контроль над оставшейся частью города, после чего организованные отряды милиции атаковали казармы. Тем не менее прошло ещё две с лишним недели, прежде чем казармы Симанкас были взяты штурмом, и в этот период три корабля, присоединившихся к мятежникам, пытались помочь осаждённым, бомбардируя город⁷³.

На северо-западе страны, в Галисии, мятежники в итоге одержали победу, хотя не обошлось без ожесточённой борьбы. Матросы кораблей, стоявших в галисийских портах, захватили контроль над своими судами, убив многих мятежных офицеров. На короткое время им удалось захватить и сами порты, однако мятежники смогли отбить их, хотя бои в Галисии продолжались несколько недель⁷⁴.

Успех мятежников в Сарагосе

Сарагоса была одной из главных цитаделей анархистов, и всего за два месяца до начала войны там состоялся конгресс, на котором произошло воссоединение НКТ. Однако город пал перед мятежниками в первые же дни Гражданской войны.

Командующий местным гарнизоном, генерал Мигель Кабанельяс, имел репутацию республиканца, хотя в действительности был одним из руководителей военного заговора. Когда известия о мятеже в Марокко достигли Сарагосы, он заявил о своей лояльности правительству, но объявил осадное положение и позволил фалангистам и другим гражданским, сочувствовавшим мятежникам, присоединиться к его войскам в казармах⁷⁵.

Рабочие организации подозревали, что назревает переворот, и прежде чем началась война, их представители явились к гражданскому губернатору и предупредили, что военный губернатор ненадёжен и следует направить в Мадрид прошение о его отставке. Однако гражданский губернатор отказался это сделать. Когда разразилась гражданская война, войска в Сарагосе не сразу показали свои истинные намерения. Проводились долгие встречи с высшими офицерами. Тем временем рабочие, которые имели своих людей в казармах и знали, что там происходило, убеждали гражданского губернатора передать им оружие из арсеналов, охраняемых лояльными солдатами. Однако тот вновь ответил

отказом. Рабочие отряды были вооружены лишь пистолетами. В конце концов, гражданский губернатор издал распоряжение о том, что гражданские лица не должны иметь оружия и что полиция может без предупреждения стрелять в любого, кто окажется вооружённым. Это дало повод устроить всеобщее избиение левых активистов, которые хладнокровно расстреливались на улицах и в своих домах. Один очевидец из «Социалистической молодёжи» впоследствии свидетельствовал, что только двое из 500 с лишним членов его организации пережили эту расправу⁷⁶.

19 июля, к тому времени когда армия и Гражданская гвардия начали окружать органы НКТ, было уже слишком поздно организовывать сопротивление. Была объявлена всеобщая стачка, но армия вскоре установила полный контроль над городом, и отряды мятежников отправились на захват Арагонского региона, столицей которого была Сарагоса⁷⁷.

Мятеж в Андалусии

Андалусия, южный регион, в течение 75 лет была важнейшим опорным пунктом анархистов среди сельских рабочих. Кроме того, НКТ пользовалась широкой поддержкой у рабочих Севильи, Кадиса и других городов региона. Социалисты также имели много сторонников среди городских рабочих Андалусии. Однако в большинстве крупных городов мятежники достигли успеха, в значительной степени потому, что командующим армии удалось обмануть рабочих и их лидеров, а также потому, что гражданские губернаторы отказались вооружать рабочих и крестьян.

Альхесирас, около Гибралтара, легко был захвачен мятежниками. В Кадисе штурмовые гвардейцы раздали оружие профсоюзам, которые 19 июля объявили всеобщую стачку. Но гражданский губернатор поручился за лояльность армейского гарнизона, очевидно, чтобы оставить рабочих беззащитными. Когда армия, поддержанная мятежным кораблём, выступила в Кадисе 20 июля, она смогла полностью овладеть городом за сутки.

В Севилье мятежники в первые дни войны добились победы, пожалуй, самым невероятным образом. Первоначально один лишь командующий Гражданской гвардией поддержал мятеж. Он привёл в свои казармы фалангистов и других сочувствующих гражданских. Казармы Штурмовой гвардии были атакованы мятежниками, и все их защитники погибли.

Тем временем генерал Кейпо де Льяно, только что прибывший в Севилью, во главе небольшой группы мятежников захватил городскую радиостанцию и, проиграв республиканский гимн, объявил в эфире, что теперь он отвечает за порядок в городе. Социалисты и анархисты, очевидно, были введены в заблуждение этим выступлением. К тому времени, когда они узнали, что Кейпо де Льяно отдал распоряжение об аресте их лидеров, мобилизовать силы для отпора мятежникам уже было невозможно. Войска из Марокко уже прибыли в Севилью на подмогу мятежному генералу.

Роль ведущего, видимо, пришлась по вкусу Кейпо де Льяно. Впоследствии он стал известен как Радиогенерал за свои частые и неистовые выступления по радио.

Большинство других андалусских городов, включая Кордову, Гранаду и Уэльву, также были захвачены мятежниками.

Одним из важных городов региона, который не попал в руки мятежников, была Малага. Первоначально местные командующие гарнизона и Гражданской гвардии поддержали заговорщиков, только Штурмовая гвардия оставалась лояльной. У рабочих организаций было мало оружия.

Командующий гарнизоном 17 июля приказал войскам покинуть казармы и занял центр города. Однако местные гражданские гвардейцы не подчинились приказу и арестовали своего командира, таким образом, они не приняли участия в мятеже. 18 июля начальник гарнизона по неясным причинам приказал войскам вернуться в казармы. После этого большая толпа гражданских окружила их. Имея мало оружия, они подожгли близстоящие дома и начали забрасывать в казармы динамит. Оказавшись в западне, мятежные солдаты сдались штурмовым гвардейцам⁷⁸.

Педро Вальина, врач и на начало Гражданской войны наиболее выдающийся лидер анархистов в Андалусии, описывал то, что происходило в деревнях и сёлах этого региона и в соседних районах провинции Бадахос и Новой Кастилии:

“ «При первой вести о фашистском мятеже все деревни, вся сельская округа поднялась в одно время, не сговариваясь, как будто пробуждённая весной, и стала вооружаться всем, чем могла, от камней и лопат до охотничьих ружей и пистолетов. Приходили с самым древним оружием, ни на что не годным, с единственным желанием вооружить народ... Муниципалитеты распускались и заменялись революционными комитетами, избранными народом; деньги становились недействительными; частная собственность отменялась, особенно в сельской местности; церкви сжигались; казармы гражданских гвардейцев брались штурмом; опознанные фашисты арестовывались или расстреливались. С самого первого мгновения стремление к либертарному коммунизму, будто естественная склонность, проявилось в массах, ранее не знавших об этих идеях»⁷⁹.

Сам доктор Вальина возглавил революционный комитет в шахтёрском городке Альмаден. На короткое время обстановка более или менее нормализовалась, и рабочие, включая шахтёров, вернулись к работе⁸⁰.

Однако в последующие недели значительная часть Андалусии оказалась наводнена войсками мятежников.

Мятеж в Валенсии

В течение почти двух недель в Валенсии сохранялась тупиковая ситуация, несмотря на то, что командование гарнизона участвовало в подготовке к перевороту, а также то, что мятежники, казалось, могли рассчитывать на значительную поддержку со стороны гражданских. Глава Валенсийской региональной правой партии, входившей в коалицию СЭДА, Луис Лусия, был участником антиреспубликанского заговора военных. Он, как сообщают, обязался выставить 50-тысячную правую милицию в течение трёх дней после начала запланированного выступления, чтобы поддержать мятежников⁸¹.

С другой стороны, валенсийское отделение Фаланги, по свидетельству очевидцев, слишком «нервничало», боясь быть втянутым в движение, противоречащее его идеалам. Оно предоставило в распоряжение мятежников всего 60 добровольцев⁸².

Другой важной политической группировкой Валенсии накануне Гражданской войны была Партия автономистского республиканского союза, основанная известным писателем Висенте Бласко Ибаньесом и в 1936 г. возглавлявшаяся его сыном Сигфридом Бласко. Некогда она была крупнейшей партией в регионе, но к 1936 г. уступила многие свои позиции другим республиканским партиям. Во время Гражданской войны она была объявлена вне закона республиканскими властями, хотя занимала нейтральную позицию в конфликте⁸³.

Гарнизон в Валенсии не присоединился ни к одной из сторон. Солдатам было приказано оставаться в казармах. В полночь на 19 июля НКТ и ВСТ объявили всеобщую стачку, и стачечный комитет НКТ приказал своим сторонникам окружить казармы. Однако гражданский губернатор несколько дней сопротивлялся требованиям предоставить оружие рабочей милиции. После победы НКТ в Барселоне милиционеры оттуда отправили необходимое оружие своим товарищам в Валенсии⁸⁴. Штурмовая гвардия оставалась лояльной, а 50 000 добровольцев, обещанных правыми, так и не появились⁸⁵.

По первоначальному плану, мятеж в Валенсии должен был возглавить генерал Годед, командовавший воинскими частями на Балеарских островах. Однако тот был уверен, что в Валенсии «всё находится под контролем и в его присутствии нет необходимости», и вместо этого решил руководить переворотом в Каталонии⁸⁶.

Командующий войсками региона, генерал Мартинес Монхе, заявил о своей верности Республике. Однако он категорически отклонил требование раздать оружие рабочим и потребовал прекратить всеобщую стачку как «ненужную».

Тем временем анархисты, социалисты, республиканцы и другие захватили все общественные здания. НКТ и ВСТ продолжили стачку, захватили оружие в порту и на судах, стоявших в гавани, и начали издавать газету «UGT-CNT». Они де-факто установили в регионе новую гражданскую администрацию и начали набор в милицию. Через десять дней, после того как солдаты стали выступать против своих «нейтральных» офицеров, была предпринята всеобщая атака на казармы, обошедшаяся практически без потерь, и в итоге Валенсия и весь регион Леванта остались за Республикой⁸⁷.

Соппротивление на Канарских островах

Даже на Канарских островах, где базировался генерал Франко, мятежники встретили серьёзное сопротивление. Хотя в первые часы утра 18 июля мятежные войска заняли центр Лас-Пальмаса, бои в городе и его окрестностях продолжались бо́льшую часть дня, причём Гражданская и Штурмовая гвардия присоединились к сопротивлявшимся рабочим.

На другом острове, в городе Санта-Крус, штурмовые гвардейцы также защищали Республику с оружием в руках. При поддержке рабочих они смогли продержаться десять дней. Однако к концу июля мятежники установили полный контроль над этим атлантическим аванпостом Испании.

От переворота к гражданской войне

Через несколько дней после начала мятежа 17 июля 1936 г. в Испанском Марокко то, что по плану заговорщиков должно было стать обычным государственным переворотом, переросло в гражданскую войну. Мятеж потерпел неудачу в Каталонии, Леванте, Новой Кастилии, Стране Басков, Сантандере, Астурии и половине Эстремадуры. Он не достиг успеха в большинстве крупнейших городов страны; он закончился поражением в двух основных промышленных зонах, Каталонии и Стране Басков.

Регионами, где мятеж увенчался успехом, были по преимуществу сельскохозяйственные области на юге (Андалусия и Эстремадура), в центре (Старая Кастилия и Леон), на севере (Наварра и провинция Алава) и северо-западе (Галисия). Мятежниками также был захвачен важный горнопромышленный район – оловянные рудники на Рио-Тинто в Андалусии.

Как республиканская, так и мятежная территория были разделены на две части. На юге область, занятая мятежниками, включала в себя значительную часть Андалусии и южную Эстремадуру, и она была отрезана от контролируемых мятежниками регионов Старой Кастилии, Леона, Галисии, Наварры и Арагона республиканскими регионами северной Эстремадуры и Новой Кастилии. Республика, со своей стороны, также оказалась рассечена – бо́льшая её часть, охватывавшая центральную и средиземноморскую Испанию, была отделена от Баскского, Сантандерского и Астурийского регионов на севере областями Арагона, Старой Кастилии и Леона, перешедшими к мятежникам.

Страна оказалась расколота и по другим признакам. Городские рабочие и сельские батраки в подавляющем большинстве встали на защиту Республики. Крестьяне – собственники и арендаторы, мелкие предприниматели и образованные люди резко разделились в своих предпочтениях между Республикой и мятежниками. Крупные землевладельцы, промышленники, банкиры практически единодушно поддержали мятеж.

Раздел прошёл также по линии вероисповедания. Бо́льшая часть римско-католической иерархии и духовенства поддержала мятежников. Однако было одно главное исключение из этого правила – Страна Басков, где церковные иерархи, священники и миряне в основном

поддерживали Республику. В других регионах также были рассеяны либерально настроенные католики, вставшие на сторону республиканского дела.

Наконец, сами вооружённые силы далеко не были единодушны в своей поддержке мятежников. Как мы уже отмечали в этой главе, значительная часть офицерского корпуса осталась верной Республике, и среди них немало было тех, кто заплатил за эту верность своей жизнью в первые дни мятежа. Однако лояльные офицеры на протяжении всей Гражданской войны продолжали оставаться под подозрением со стороны лоялистов-гражданских, в особенности анархистов.

Версия #1

Зверобой создал 7 мая 2025 21:20:40

Зверобой обновил 7 мая 2025 21:25:21